

Н. В. КЛЯГИН
**ЦИВИЛИЗАЦИЯ
КАК ЗАКНОМЕРНОСТЬ ИСТОРИИ**

Закономерность появления цивилизации в историческом процессе, на первый взгляд, – вопрос праздный. Понятно же, что человечество всегда стремилось приумножить культуру и жить более комфортно. Так ли это? То есть это, конечно, кажется вполне естественным, однако достаточны ли подобные соображения для объяснения генезиса цивилизации? На наш взгляд, нет. В самом деле, животные, например, тоже стремятся к оптимизации своего образа жизни, но цивилизации отнюдь не создают. Быть может, они не имеют для этого подходящих предпосылок? Отчего же. У осьминогов существуют своего рода прототипы коллективных поселений из каменных жилищ, которые вполне могли бы развиваться в города, но не развились. То же можно сказать о муравейниках и тому подобных образованиях. Между тем на их базе никакого цивилизационного процесса не возникает.

Конечно, животные с зачаточными элементами образований типа человеческих поселений сильно отличаются от людей, но попробуем разобраться, чем, собственно. Орудиями труда? У животных их элементарные формы имеются. Не продолжая далее список подобных вопросов, мы попытаемся изложить свою гипотезу исторического процесса, в котором цивилизация могла найти закономерное место.

Строго говоря, у человека есть всего одно отличие от животных, в частности, от высших млекопитающих. Это не двуновость (была у мезозойских двуногих динозавров), не хватаящая рука (была еще у мезозойских целурозавров и есть, например, у шимпанзе), не головной мозг (у ранних гоминид он мало отличался от мозга высших приматов), не орудия (они есть не только у позвоночных, но даже у беспозвоночных, например у одиночных ос). Отличие состоит в другом.

Человек и, вероятно, его гоминидные предки имели аномально высокий уровень удельного метаболизма (обмена веществ), выражаемый так называемой постоянной Рубнера. Этот показа-

тель позволяет определить количество пищевой энергии, потребляемой организмом на единицу веса в течение жизни. У человека такой показатель примерно вчетверо выше, нежели у равновеликих высших млекопитающих. Подобное обстоятельство могло иметь для предков человека существенные демографо-экологические последствия, если, конечно, наши предки тоже обладали аномально высокой постоянной Рубнера (а основания в это верить есть).

В самом деле, потреблять аномально большое количество пищи во всякую единицу времени гоминиды не могли: они бы истощили ближайшую экосреду. Эволюция распорядилась иначе. Гоминиды ели столько же, сколько равновеликие звери, но стали жить примерно вчетверо дольше (факт, хорошо известный для человека). Из-за долгой жизни все жизненные события гоминид как бы затормозились во времени (торможение онтогенеза, так же хорошо известное у человека). Но заторможенный онтогенез неизбежно должен был изъять гоминид из нормальных популяционных волн в природе (это периодические спады и подъемы плотности популяций организмов, регулирующие их численность). У гоминид такой регулятор поголовья, очевидно, перестал эффективно работать, что было чревато для них неизбежным и катастрофическим перенаселением (которое у человека, кстати, тоже хорошо известно – по меркам животного мира, конечно).

Иными словами, гоминиды оказались перед стихийно возникшей необходимостью как-то ограничивать и регулировать свою численность нестандартными (неэкологическими) методами. Первым этапом ограничения численности для перспективных гоминид стал переход в эконишу хищников (речь идет о трансформации растительноядного австралопитека афарского в австралопитека умелого, он же «человек умелый», предположительно плотоядный, точнее всеядный). Эволюционная логика здесь прозрачна. Хищников в биомах (по массе) примерно впятеро меньше, чем растительноядных. Из-за учетверенного метаболизма гоминиды нуждались в четверо кратном сокращении численности. Став хищниками, они сократили ее впятеро и достигли нужного эволюционного эффекта, хотя телесно оставались мало похожи на хищников. (Подчеркнем, что все количествен-

ные показатели следует рассматривать ориентировочно, но логики рассуждений это отнюдь не разрушает.)

Между тем хищные гоминиды продолжали быть носителями аномальной постоянной Рубнера, и, следовательно, демографо-экологические сложности у них рано или поздно должны были вновь возобновиться. То есть рано или поздно им должен был понадобиться новый нестандартный регулятор численности. У хищных гоминид, у австралопитека умелого, таким регулятором стали коллективные орудия (средства коллективного производительного потребления). Таких орудий у других животных нет.

У них хорошо представлены индивидуальные орудия (средства индивидуального производительного потребления), а также коллективные искусственные образования (средства коллективного непроектируемого потребления типа муравейников и т. п.), но коллективно изготавливаемых и производительно используемых орудий нет. Между прочим, вполне понятно почему. Индивидуальные орудия всегда эффективней усредненных коллективных, потому что индивидуальные лучше гармонируют с этологией носителя (лучше отвечают его поведенческим особенностям). Понятно, что эволюция никогда не поощряла у животных коллективных орудий. Исключение составили лишь гоминиды.

Они выделяли и применяли орудия коллективно, что послужило основой зарождения у наших предков коллективных технологических традиций, отраженных в материальной культуре и мало зависящих от индивидуальных способностей носителей (здесь ситуация прозрачна: например, человек современного типа тысячелетиями слабо менялся в нейрофизиологическом и физическом отношении, однако его материальная культура неоднократно революционно прогрессировала; причина этого феномена будет раскрыта дальше). Однако зачем же все-таки гоминидам понадобились их коллективные орудия? Точнее, зачем понадобилась их коллективность?

Здесь мы вводим понятие так называемой «демографо-технологической зависимости». Ее определение звучит следующим образом. Между численностью производственного коллектива и степенью сложности практикуемой им **технологии** существует количественное соответствие: чем **крупнее** коллектив (например первобытная община), тем сложнее его технология. Это обстоя-

тельство объясняет, почему за демографическими взрывами в человеческой **истории** следовали технологические революции.

Примеры здесь многочисленны. Наиболее выпуклые из них следующие. Приблизительно 1,6 миллиона лет назад **человек** прямоходящий (питекантроп), едва возникнув, **испытал** демографический рост в Восточной Африке, о чем свидетельствует его практически немедленная экспансия в Евразию (от Хорватии до Индонезии и дальше). Относительно быстро в Восточной Африке наступила и «ашельская технологическая революция» (около 1,4 миллиона лет назад). Далее, примерно 50 тысяч лет назад, демографический взрыв испытал ближневосточный человек современного типа (человек разумный), что сопровождалось его экспансией по Евразии и верхнепалеолитической технологической революцией (появление настоящего ориньяка I в Бачо

Киро, Болгария, возраста $50\,000 \pm \frac{9000}{4000}$ лет назад при оценке

критерием «1 сигма» по радиоуглероду). Аналогичным образом позднемезолитический (эпипалеолитический) демографический взрыв на Ближнем Востоке сопровождался неолитической технологической революцией. И, наконец, первый этап современного демографического взрыва в Западной Европе (XI – середина XVI в.) органично завершился промышленной технологической революцией.

Все это внешние совпадения, но что могло лежать в основе демографо-технологической зависимости? Как это ни странно, прикладные следствия из количественной теории информации К. Э. Шеннона¹. Важное для нас следствие из этой теории состоит вот в чем. Субъект (человек или машина), находясь перед выбором образа действия, к примеру, из двух альтернатив, может получить сообщение, снижающее для него неопределенность выбора на единицу (субъект ориентируется, как поступить). Такое сообщение, по Шеннону, будет содержать один бит Информации (более сложные случаи тоже можно выразить в битах, но сейчас это неважно). Если субъект в указанной ситуации получит еще одно сообщение, аналогичное первому, он ничего нового больше не узнает: такое сообщение, по Шеннону, уже не бу-

¹ См.: Шеннон К. Математическая теория связи// Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963. С. 243–332.

дет содержать никакой информации (напомним, речь идет не об обыденной терминологии, а о терминах теории информации). Иными словами, информацию могут содержать лишь новые, оригинальные сведения: только они способны влиять на выбор образа действия. Между прочим, это понятно и без математической теории связи.

Встает такой вопрос. Как древние гоминиды, изготавливая одни и те же орудия (реплицируя их, осуществляли информационный контроль их репликации? Ведь новые сведения в ее процессе очень быстро иссякали. Искусственный вопрос? Это не так. Именно из-за информационных сложностей репликации для людей оказывается таким тяжелым однообразный процесс конвейерного производства. По той же причине для людей является отдыхом смена родов деятельности (оживляется ее информационный контроль). И так далее.

Для древнейших гоминид способ облегчения информационного контроля репликации орудий мог состоять в коллективности: когда один гоминид затруднялся тиражировать орудия, ему на помощь приходил другой, и наоборот. (Надо думать, они помогали друг другу тактильно, жестами, откуда и возникла первая форма нашего языка – язык жестов, способности к которому высоки не только у гоминид, но даже у их ближайших родичей – шимпанзе.)

Описанное вмешательство в технологический процесс могло сопровождаться наложением отпечатка индивидуальности носителей на их орудия: каждый что-то делал по-своему. Это должно было привести к количественному соответствию гоминид-мастеров и типов их орудий, что неплохо отвечает ситуации с палеодемографией, например, австралопитека умелого и степенью сложности его типичного орудия². Именно так мы представляем зарождение демографо-технологической зависимости, а причина, по которой она прижилась, выглядит так.

Австралопитек умелый нуждался в каком-то нестандартном регуляторе своей численности. Если его образ жизни зависел от степени сложности технологии, а она – от численности носителей, то сохранение образа жизни попадало в зависимость от

2 Подробнее см.: Клягин Н. В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). М., 1996. 252 с.

демографии. Иными словами, гоминиды, инстинктивно держась за свой образ жизни, должны были избегать роста локальных плотностей населения – его излишки, очевидно, мигрировали, что хорошо известно по археологической летописи. Вероятно, какое-то время (около миллиона лет) таким путем ограничивалась плотность населения гоминид. Когда ситуация все-таки нарушалась и плотность населения наших предков где-либо возрастала, они автоматически переводили свою технологию в более сложную фазу, например, вводя в список инвентаря прежние факультативные отклонения от стандартной технологии (так, сама по себе пластинчатая индустрия была известна задолго до ориньяка, в Омо 123 К. Эфиопия, 1,99–1,93 млн лет назад, но основой технологии она по-настоящему стала лишь в верхнем палеолите: мелькнув в преориньяке, расцвела в ориньяке и т. д.; имеется масса иных аналогичных примеров).

Складывается следующее впечатление. В основе технологического прогресса наших предков поначалу лежали не удачные изобретения и не стремление изменить жизнь к лучшему, а достаточно стихийный процесс: в местах роста плотностей населения прежняя технология по-своему автоматически трансформировалась в более сложную. При этом следует учесть, что усложнение инвентаря орудий сопровождалось их специализацией, а специализация – ростом эффективности. Именно этим обстоятельством мы объясняем прогресс коллективных орудий, несмотря на то что «в проекте» они потенциально уступали индивидуальным (см. выше).

Нетрудно видеть, что здесь мы получаем своего рода наглядное объяснение феномену самодвижения средств коллективного производительного потребления у наших предков: будучи коллективными, они не зависели от индивидуальной этологии носителя, а будучи производительными, предназначались для движения. Сочетание независимости и способности к движению, в философских терминах, и обеспечивает самодвижение. Но в реальности, конечно, никаких мистически самодвижущихся орудий не существовало. Просто демографический рост гоминид закономерно сопровождался усложнением их инвентаря.

Обрисованный процесс имел еще одно важное следствие для человеческого прогресса. Речь идет о зарождении и развитии ду-

ховной культуры. Мы воздержимся от комментариев полумистических толкований природы духовной культуры, когда она выглядит самодостаточной и как бы свалившейся с неба, и пойдем более прагматическим путем, что, в сущности, гораздо полезней для трезвой оценки человеком своей природы. Попробуем рассуждать.

Усложняющиеся и специализирующиеся технологии стихийно давали прирост производительности труда, а последний – высвобождение известной доли активного времени гоминид от производственных надобностей, например по части добычи пищи и т. д. Но для животного мира это нонсенс. Фактура такова. Близкие ранним гоминидам коллективные хищники, в частности львы, примерно 18 часов в сутки спят, а в остальное время коллективно добывают пищу (мы упрощаем, занятия животных более разнообразны, но главное – что они все время заняты или выключены). У наших растительноядных родичей (шимпанзе, гориллы, павианы и т. д.) ситуация похожа: практически все активное время посвящено добыче корма. Ранние гоминиды, очевидно, были такими же.

Затем у них произошла «ашельская технологическая революция», рост производительности труда, и они навсегда стали иными. Дело в том, что даже у наиболее отсталых человеческих сообществ (австралийские аборигены, бушмены, хадза) эффективность добычи пищи вчетверо выше, чем у высших коллективных животных (надо полагать, в конечном счете, чтобы вчетверо меньше давить на экосреду в соответствии с учетверенной постоянной Рубнера, см. выше). Проще сказать, при такой производительности добычи пищи в среднем достаточно работать лишь один день из четырех. Само по себе это хорошо, но у питекантропов при избыточной производительности труда должны были возникнуть социальные проблемы.

В самом деле, до своей первой «технологической революции» гоминиды, очевидно, целиком были включены в коммуникации, связанные с технологическим образом жизни. Благодаря демографо-технологической зависимости технология контролировала их демографию, цементировала их сообщества рамками ограниченной численности и определенного образа жизни, то есть специфически социализировала их сообщества. Однако с

подъемом производительности труда в ашельскую эпоху часть активного времени питекантропов могла высвободиться от практических, производственных забот. Подобное свободное время должно было образовать в социальных связях своего рода вакуум, когда индивиды оказались не нужны друг другу в прагматическом, следовательно, и социальном отношении. Это было чревато кризисом и разрушением сообществ наших предков, поскольку ослабляло эффективность социальных связей в них. В таких условиях шанс выжить имели лишь сообщества, сумевшие заполнить возникший вакуум в социальности какими-либо дополнительными общественными связями, причем непроизводственного, непрагматического характера, поскольку демографо-технологическая зависимость ограничивала размах собственно технологической деятельности. При подобных обстоятельствах у предков зародились так называемые вторичные общественные структуры, образовавшие первооснову духовной культуры.

В ход пошли зачаточные наклонности высших приматов к непрагматическому общению. Склонность к действиям типа «танца дождя» или «карнавала» дала в развернутой форме зачатки ритуалов типа церемоний вызывания дождя или обрядов Куняпиши (типологически похожи на названные «ритуалы» шимпанзе). Склонность к альтруистичному поведению, разросшись, породила основу нравственных форм поведения. Технологические модели поведения дали начатки магии и тотемизма (в первом случае развернуты формы поведения, связанные со средствами труда, а во втором – с предметами, то есть объектами охоты). Примеры можно продолжить, но важно подчеркнуть, что указанные предпосылки вторичных общественных структур, разрастаясь, социализировали свободное время гоминид и тем самым выполняли важную полезную функцию по поддержанию целостности их сообществ.

Разрастались и начатки жестового языка гоминид, переходили в вербальную форму и также социализировали свободное время (австралийские аборигены, например, весьма склонны заполнять досуг обыденными разговорами, сплетнями, как, впрочем, и все остальные люди; при невыразительности такого общения оно обладает неоспоримым достоинством социализации).

Естественно, в словарь языка рано или поздно попали реалии вторичных общественных структур, с чего, собственно, началось бытие духовной культуры. Мы невольно упрощаем проблему, но логики рассуждений это не разрушает.

Строго говоря, мы вели к тому, что генезис материальной и духовной культуры в истории был постижимым и закономерным процессом, поскольку все его звенья удастся связать в логическую цепь, пусть и дискуссионную. Но коль скоро начала исторического процесса складывались закономерны, было бы только логично ожидать того же и от непосредственных основ цивилизации.

С началом голоцена (около 11 700 лет назад по календарной шкале) вслед за демографическим взрывом на Ближнем Востоке стала разворачиваться неолитическая технологическая революция, главной особенностью которой являлось медленное развитие производящего хозяйства. Последнее в свою очередь было чревато возникновением общественного разделения труда и профессиональных социальных групп. Не комментируя этот процесс, сразу отметим, что подобные общественные сдвиги заведомо грозили социуму серьезными потрясениями.

В самом деле, разделение труда и формирование профессиональных групп были, строго говоря, разрушительными факторами для первобытного социума. Первобытная община в целом действует в духе унифицированной стратегии выживания, отраженной в понятии традиционного образа жизни. Все общинники, в сущности, преследуют схожие цели и подчиняются похожим интересам. Индивидуальные отклонения здесь несущественны, поскольку не захватывают значительной части коллектива.

Первобытная община существует в рамках единой общественной структуры. В сфере продолжения рода это какой-то вариант матрилинейности или патрилинейности (в зависимости от биопродуктивности среды, если исходить из данных Дж. Крука по приматам; в развитом качестве подобные формы матрилинейности или патрилинейности давали классические варианты матриархата или патриархата, если ориентироваться на Л. Г. Моргана). В сфере обеспечения своего существования первобытные общины базировались на единых технологиях потребляющего

хозяйства, овеществленных, в частности, в археологических культурах. Наконец, в духовной сфере это единая мифология франко-кантабрийского типа, опредмеченная в изобразительном искусстве; единый комплекс ритуалов и моральных норм и т. д.

Унитарная первобытная структура сообщества по-своему очень понятна. Первобытные общины были малочисленны (от 30 индивидов в начале нижнего палеолита до 250 в позднем мезолите Ближнего Востока, типа Абу Хурейры в Сирии; в докерамическом неолите В население Абу Хурейры достигало уже 2500 человек). С точки зрения демографической статистики, малочисленность первобытных общин влекла за собой определенные социальные следствия. Поясним это.

В крупномасштабных совокупностях объектов (порядка 10 тысяч единиц и больше) действует так называемый закон больших чисел, делающий случайное поведение этих объектов по-своему предсказуемым (если известен список их форм поведения и вероятность проявления этих форм, для крупной совокупности объектов можно предсказать ее среднее состояние; проще говоря, предоставленная себе крупномасштабная совокупность обычно находится в усредненном однообразном состоянии: в ней все так или иначе повторяется по статистическим причинам). В маломасштабных первобытных общинах закон больших чисел (в указанном смысле) не выполнялся: там не могло быть предсказуемости на основе демографической статистики. Естественно, непредсказуемый социум существовать бы не мог.

Вот почему первобытные общины неукооснительно держались за свои однородные социальные структуры: они как бы искусственно делали поведение таких общин во времени однотипным, то есть предсказуемым, невзирая на невыполнимость закона больших чисел (в указанном смысле предсказуемости).

Понятно, в первобытной общине разделения труда (общественного разделения труда) случиться не могло: его блокировала однородная социальная структура. С ростом населения ближневосточных неолитических общин (до 4000 человек в Чатал-Хююке, Турция) ситуация изменилась: в этих общинах закон больших чисел начинал заметно действовать, превращая их в статистически предсказуемые совокупности, и их стихийная

предсказуемость сильно снижала надобность в обязательно однородной социальной структуре (ее, конечно, никто не отменял; просто отклонения от нее перестали быть неудобны социуму).

Неудивительно, что, начиная с неолита, в ближневосточных общинах стал зарождаться процесс общественного разделения труда на базе различных отраслей хозяйства; порожденных неолитической технологической революцией. Однако преувеличивать результаты не следует: для неолита археология дает хорошие данные в пользу существования индивидуального разделения труда, но говорить об институционализированных профессиональных группах еще рано. Это понятно (в нашей системе рассуждений): закон больших чисел еще не набрал нормальных оборотов (10-тысячных плотностей населения), а потому нужда в однородной социальной структуре все же сохранялась.

Ситуация заметно изменилась в бронзовом веке, в эпоху ранних городов: там плотности населения приблизились или перешагнули демографический Рубикон в 10 тыс. индивидов. Поведение соответствующих социумов стало статистически предсказуемым, а надобность в однородной социальной структуре отпала. В таких условиях уже ничто не препятствовало общественному разделению труда, формированию профессиональных групп и дифференциации социальной структуры, что вполне характерно для ранних городов. Теперь поставим вопрос: почему становление разнородной общественной структуры сопровождалось городским образом жизни?

Повторимся, процесс разделения труда служил для социума разрушительным фактором. Профессиональные группы располагали своим особым технологическим образом жизни (земледельцы, скотоводы, ремесленники, купцы, администраторы, служители культа и т. д.). Следовательно, такие группы не могли не разойтись в своих целях и интересах, что разрушало единую стратегию выживания первобытного общества.

Теоретически говоря, социум разделенного труда должен был бы распасться на подсоциумы, состоящие из профессиональных групп, которые могли бы разделиться, вплоть до территориального признака (напомним, речь идет не о реалиях, а об ожидаемой модели развития). Естественно, распавшись, социум разделенного труда прекратил бы существование, а вслед за ним

и гипотетические подсоциумы профессиональных групп, потому что трудно представить стабильное существование общин, занятых лишь ремеслом, администрированием и т. д. Это, конечно, нонсенс (хотя фрагментарные приближения к нему известны, например, в мегалитической Британии и кое-где еще).

Между тем человеческое общество за два с лишним миллиона лет бытия, несомненно, наработало слепые механизмы выживания, в смысле поддержания своей целостности. Здесь нет особой мистики: просто выживали социумы, стихийно нащупавшие средства своей интеграции, особенно если имели подходящие предпосылки. У раннего общества разделенного труда они были.

В самом деле, возможный распад общества вследствие разделения труда был обусловлен самодвижением средств коллективного производительного потребления (в частности, неолитической технологической революцией, давшей производящее хозяйство). Следовательно, нейтрализовать угрозу социального распада могли средства коллективного, но непроизводительного потребления, ведущими из которых у людей были жилища и другие средства пространственной организации образа жизни (фортификации, храмы, административные сооружения, рабочие места, рынки и т. д.).

Проще сказать, объединить и законсервировать социум разделенного труда могли средства коллективного непроизводительного потребления, известные нам по феномену города. Городская стена замыкает социум, обеспечивая безопасность; административные и культовые сооружения являются центрами его тяготения; жилища стационарно привязывают людей к месту; рабочие места и рынки также стационарно обеспечивают жизнедеятельность и обмен деятельностью, то есть ее продуктами; наконец, метаструктурой города служат опять-таки стационарные и привязанные к нему поселения сельского типа. Это своего рода стабильная вещественная матрица, связывающая людей и обеспечивающая обществу разделенного труда долговременное единство.

Иными словами, город можно рассматривать как стихийно найденное средство, позволившее сцементировать расплывающееся (в перспективе) разнородное общество разделенного труда. В социально-философских терминах город можно определить

как предметную форму структуры общества разделенного труда, призванную обеспечить его интеграцию. Очевидно, городской образ жизни – это не только новый уровень культуры, но, что важнее, новый долговременный этап социальной интеграции, заслуживающий особого обозначения. Оно хорошо известно: это цивилизация, определение которой для нас совпадает с приведенной дефиницией города.

При таком понимании становление цивилизации выглядит довольно закономерным процессом. Кратко говоря, он складывается из возникновения демографо-технологической зависимости, из порожденной ее условиями неолитической технологической революции, из вызванного ею общественного разделения труда и формирования профессиональных групп, из необходимости объединить социум разделенного труда средствами коллективного непродовольственного потребления в форме города, что дает в итоге феномен ранней цивилизации.

Бесспорно, изложенная схема выглядит несколько ущербной и механистичной, однако она позволяет объяснить с известной логикой наиболее выпуклые проявления ранней цивилизации – объяснить как закономерные эпизоды ее становления. Остановимся на основных из них.

Для ранних цивилизованных социумов характерна иерархическая общественная структура, довольно быстро принимающая форму государства. Но откуда взялась подобная структура? Теоретически рассуждая, нетрудно представить, что способом организации ранней цивилизации мог бы быть не принцип иерархической субординации, а, например, принцип безыерархической координации, типа первобытной кооперации, успешно обслуживавший социальный обмен деятельностью: применительно к цивилизованным условиям это мог быть взаимовыгодный обмен продуктами труда между профессиональными подразделениями, тем более что он в любом случае осуществлялся. Однако такой естественный образ жизни в ранних цивилизациях неизменно подминался иерархической социальной пирамидой, стремящейся не к чисто обменным, а к распределительным экономическим отношениям (Шумер, Микенская Греция и др.), когда центральная власть координировала производство и выдачу продуктов из единого центра. С точки зрения рыночной экономики, это был

далеко не самый оптимальный метод хозяйствования, но в ранней цивилизации он уверенно господствовал как экономическое выражение существующей социальной иерархии. Так откуда она взялась?

Здесь нам придется сделать отступление. Существует этологический закон Дж. Крука, согласно которому у приматов, живущих в сходных условиях биопродуктивности среды, складываются сходные структуры сообществ. Так, один из крайних вариантов – это богатая среда тропического леса: там много пищи, нет конкуренции из-за нее, и у обезьян (например у шимпанзе) формируется весьма терпимая структура сообщества без конкуренции из-за самок (своего рода аналог промискуитета). Поскольку у приматов наследование ранга животного идет через самок (из-за связи матери с детенышем), такой «лесной промискуитет» одновременно оказывается и матрилинейным (прямой прототип нашего матриархата).

Однако нам важнее другой крайний вариант. В пустынных биотопах, бедных пищей, из стай обезьян изгоняются особи, избыточные для выживания, но потребляющие дефицитную пищу: в данном случае изгоняются лишние самцы, поскольку для размножения хватает всего нескольких мужских особей. В таких пустынных сообществах устанавливается весьма жесткая иерархическая структура: господствуют единичные самцы с гаремами. Подобная пустынная форма иерархической патрилинейности послужила прообразом для нашего гаремного патриархата (типа сложившегося в Аравийской пустыне).

Важно, однако, другое. Сходная иерархическая организация устанавливается у обезьян и в неволе: там пищи, конечно, хватает, но доступ к ней ограничен, что приматы воспринимают как обитание в пустынном биотопе. Нормальный человек – тоже примат. Попав в рамках раннего города в ограниченные условия обитания (жесткая привязка к месту со всеми вытекающими последствиями для ощущения свободы бытия) – попав в подобные условия, человек подсознательно чувствовал себя очень похоже: в каком-то смысле как обезьяны в неволе. В соответствии с законом Дж. Крука у человека ранней цивилизации неизбежно должны были сложиться именно иерархические: структуры сообщества, что и происходило в стенах первых городов. Разумеется,

зоологизм здесь неуместен, и иерархическая организация у раннецивилизированных людей вышла далеко за рамки пищевых отношений, но, с другой стороны, подчинив себе экономические отношения, иерархическая организация в крупных масштабах сыграла типологически похожую роль. Как видим, социальную стратификацию ранних государств вполне можно вывести из природы первых городов.

Далее обратим внимание на особенности генезиса этих городов. Можно выделить два основных их типа. В первом случае системообразующим элементом города служил культовый центр, храм (такой храмовый вариант характерен, например, для ранних городских образований Шумера). Во втором случае в качестве системообразующего элемента города выступала крепость (этот фортификационный вариант известен, например, в Микенской Греции: Тиринф и др.). Но почему города возникали так? Здесь уместен не социально-психологический или стратегический метод объяснения, а скорее единый социально-философский.

Мы отмечали, что в качестве социально-философской (по пониманию) природы ранней цивилизации выступали средства коллективного непроизводительного **потребления**, воплощенные в форме поселения городского типа. Очевидно, формирование города должно было базироваться на средствах максимально коллективного и минимально производительного потребления. Именно такими качествами обладали храмы и фортификации: они требовались всему обществу и не служили целям производства. Простые жилища слишком индивидуальны, мастерские служат производственным целям – они для формирования городов подходили меньше. Иными словами, храмовый и фортификационный варианты генезиса цивилизации сложились также закономерно.

Затронем, наконец, и сферу духовной культуры ранней цивилизации, однако ограничимся лишь наиболее ярким ее достижением – первой наукой. Наука основывается на умении открывать и предсказывать сущности, отражающие повторяющиеся черты явлений. Ранняя наука не была прагматичной и занималась порой неожиданно немагическими сущностями, не вытекающими из насущно полезного опыта. Возникает вопрос: как ранняя ци-

визация на них вышла?

Мы отмечали, что в ранней цивилизации на демографическом материале действовал статистический закон больших чисел, благодаря которому явления социальной жизни, явления человеческих контактов с реальностью и т. д. были повторимы и предсказуемы. Оставалось лишь их заметить и описать в списках, что и произошло в ранней Месопотамии, где наука начиналась с учебных списков, представляющих собой, собственно, перечни проявлений той или иной сущности. Конечно, это очень зачаточная наука, но в ней уже был открыт научный метод систематизации и обобщения явлений, работающий по сей день. Причем этот ключевой научный метод был открыт благодаря демографо-статистическим особенностям ранней цивилизации, весьма закономерным для нее. Иными словами, вершина духовной жизни ранней цивилизации (наука) возникла также закономерно, что объясняет, почему наука не появилась, например, в первобытности.

В краткой статье мы не стремились затронуть все феномены ранней цивилизации: масса проблем осталась за бортом. Мы лишь преследовали вполне определенную цель – показать, что наиболее выпуклые эпизоды предыстории и начальной истории ранней цивилизации можно выстроить в логичный ряд. Это свидетельствует о закономерности появления цивилизации городского типа на планете, хотя приходится признать дискуссионность многих выдвинутых положений.